

ЯНИ
ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ

главный редактор журнала
«Уголовное право», доктор
юридических наук, профессор

ПОНЯТИЕ ХИЩЕНИЯ — КОНСТИТУЦИОННО

В статье обсуждаются проблемы толкования признаков родового состава хищения, перечисленные в примечании к ст. 158 УК РФ. Подчеркивается, что несмотря на различия в позициях ученых и практиков относительно содержания этих признаков Конституционный Суд обоснованно отклоняет жалобы, в которых указанную норму требуют признать «неконституционно неопределенной».

Ключевые слова: признаки хищения, Конституционный Суд, толкование закона

1. Конституционный Суд, непрестанно атакуемый лицами, избирающими и такой способ защиты от уголовного преследования, весьма взвешенно подходит к решениям, способным повлиять на отношения в сфере уголовного права¹. Об этом свидетельствует небольшая доля подобных жалоб, принятых к рассмотрению, и еще меньшая — тех, доводы которых судом признаны справедливыми. В частности, отказано в принятии к рассмотрению жалобы, в которой подвергалась сомнению конституционность дефиниции хищения, содержащейся в примечании к ст. 158 УК РФ. Выводы и аргументы суда понятны, но большее внимание привлекло особое мнение, высказанное одним из судей и

состоящее в том, что «оспариваемые нормы уголовного закона в силу своей неопределенности создают реальную опасность их произвольного применения». В обоснование такого вывода приведены следующие соображения: «В результате явно недостаточной определенности терминологии уголовного закона понятие *безвозмездности* как сущностного признака хищения в форме присвоения или растраты в правоприменительной практике толкуется вопреки его очевидному смыслу. <...> В уголовной правоприменительной практике этому понятию было дано явно расширительное толкование, включающее не только собственно безвозмездное изъятие, но и случаи предоставления в возмещение менее ценного имущества, что противоречит буквальному понятию безвозмездности». И далее: «Такой признак хищения, как *противоправность*, вполне может вызвать сомнения, если сделка по передаче имущества с точки зрения гражданского права не

¹ См.: Елинский А. Отклоняемые Конституционным Судом РФ доводы жалоб, оспаривающих нормы Особенной части уголовного закона // *Уголовное право*. 2010. № 4.

оспорена и признается действительной. Осуждаемая прежде *корыстная цель* может поменять коннотацию, поскольку получение прибыли является обязательным признаком хозяйственной деятельности. Признание факта *причинения ущерба* вряд ли будет убедительным без проявления воли и согласия вменяемого собственника.

Понятия «эквивалентность» и «неэквивалентность» возмещения, опирающиеся на понятие цены сделки, в настоящее время в условиях свободы договора и договорных цен не имеют объективного содержания.

С точки зрения гражданского права нет никаких законных требований к участникам гражданского оборота о соответствии цен каким-либо критериям. Неэквивалентность обмена никак не порочит сделку. Как правило, в рыночных условиях, по мнению специалистов, покупная и действительная стоимость имущества объективно не могут быть эквивалентны»².

Действительно, Конституционный Суд в другом решении утверждает: «Закрепленный в статье 19 Конституции Российской Федерации универсальный принцип юридического равенства (равенство всех перед законом и судом, а также равноправие) и логически обусловленный им общеправовой принцип формальной определенности права предполагают, что закон должен быть понятным, точным и недвусмысленным. Иное означало бы возможность неоднозначного понимания и истолкования закона и, по сути, произвольного его применения, что сделало бы иллюзорным вытекающее из статьи 19 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 46 равное право на справедливое правосудие, на эффективную и полную судебную защиту»³. Однако в обсуждаемом нами случае суд не усмотрел такой степени неопределенности, которая препятствовала бы применению уголовного закона⁴.

² Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1037-О-О, особое мнение А.Л. Кононова // Консультант-Плюс (слова, выделенные нами в цитате курсивом, обозначают признаки хищения, содержание которых мы рассмотрим далее).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2008 № 11-П.

⁴ Не вступая в дискуссию относительно политической (как порой утверждается), а не юридической мотивированности позиции Конституционного Суда, связанной с личностью

На самом же деле никакой закон не является, да и не может являться полностью «понятным, точным и недвусмысленным», и дело здесь не в недочетах законодательной техники (которых, правда, также хватает и обсуждению которых посвящена обширная литература)⁵. Каждый закон перед его применением подлежит обязательному толкованию, суть которого — перевод с юридического языка на обыденный с целью последующего сопоставления в сознании правоприменителя тождества (или отсутствия такового) между описанием казуса и тем результатом перевода текста, в котором заключено содержание правовой нормы. Толкование правильно определять как перевод ввиду того, что если в нормативном акте государственная воля выражена на языке права, то «для обеспечения реального действия юридических норм нужен, условно говоря, обратный перевод»⁶.

Толкователями-переводчиками с юридического языка на национальный могут быть лишь юристы, получающие для этого специальное образование, а затем всю жизнь совершенствующиеся в своем ремесле. Более того, толкование справедливо расценивается в качестве основной функции юриста⁷. И хотя смысл закона, его содержание, рассчитанное на регулирование каких-либо отношений в обществе, порой бывает ясен (при применении закона к конкретному случаю) и без перевода, это вовсе не означает, что текст закона не подвергался толкованию в принципе: перевод-толкование имеет место всегда, даже при применении, казалось бы, совершенно понятных норм, просто в дальнейшем правоприменитель пользуется результатами перевода, осуществленного до этого его коллегами при рассмотрении схожего по фактическим обстоятельствам случая. Результаты

направившего жалобу, не принятую к рассмотрению, заметим только, что обсуждаемое определение — далеко не единственное решение, отрицающее «неконституционную неопределенность» норм об ответственности за хищения. См., в частности: Определения Конституционного Суда РФ от 23.01.2001 № 9-О, от 18.04.2006 № 120-О, от 29.01.2009 № 61-О-О, от 16.04.2009 № 422-О-О, от 25.02.2010 № 252-О-О, от 22.04.2010 № 501-О-О.

⁵ См., в частности: Кострова М. Русский язык и российское законодательство // Уголовное право. 2008. № 1; Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007.

⁶ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 292.

⁷ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Пг., 1917. С. 139.

такого перевода-толкования содержатся в многочисленных комментариях, курсах, учебниках, монографиях, научных статьях, а также в опубликованных решениях высшего судебного органа, которые правоприменитель расценивает в качестве источника права *de facto*.

Что, к примеру, яснее в уголовном законе, чем норма об ответственности за убийство, сформулированная предельно кратко: «умышленное причинение смерти другому человеку»? Но обычному гражданину в этой дефиниции неясно все. В частности, слово «смерть» здесь превращено в специальный юридический термин, который требует перевода с учетом значения не используемой в ч. 1 ст. 105 УК РФ категории «жизнь». Вооружите неюриста приведенной дефиницией, не снабдив ее переводом, и предложите ему судить врача, сделавшего аборт, или даже женщину за «самоаборт». Рассудив (опять же — истолковав!), вполне возможно, что жизнь начинается с момента зачатия, он осудит их за умышленное причинение смерти.

А что такое «причинение смерти»? Если один душит, а другой только держит жертву за руки, разве второй тоже причиняет смерть? Неюрист скажет, что раз второй только помогал, то сам он смерти не причинял. А вот Верховный Суд считает и первого, и второго (если последний помогает первому) одинаково выполняющими данный состав, т.е. соисполнителями убийства.

Юристами ведутся споры даже о том, что является непосредственным объектом убийства — жизнь как некая абсолютная, абстрактная ценность, не связанная к человеку, или же благо, принадлежащее конкретному человеку. Если договоримся, что верно первое, тогда лишение жизни наемным убийцей по ошибке другого, не «заказанного» ему человека, мы расценим как одно преступление — убийство по найму: хотел отнять жизнь и отнял ее (до 20 лет лишения свободы или пожизненное лишение свободы). Но если сойдемся на том, что правильно второе понимание, то квалифицируем то же деяние как покушение на убийство по найму «заказанного» человека и причинение смерти по неосторожности другому лицу, которого убивать не собирались (до 17 лет лишения свободы, пожизненное лишение свободы назначено быть не может).

Ни ученые, ни высший судебный орган не выработали четких, признаваемых всеми и охватывающих все подобные случаи понятий беспомощного состояния, особой жестокости и ряда иных квалифицирующих признаков убийства. О содержании этих признаков постоянно идут споры, Верховный Суд не прекращает поправлять коллег, допускающих ошибки.

Так что же? Признавать по этой причине норму об ответственности за убийство неконституционной? Ясно, что нет.

Конечно, тот или иной теоретик может попытаться наполнить новым содержанием какой-либо законодательный термин, поколебав наши представления об устоявшемся на практике его, термина, значении. Но от новых идей соответствующая, выраженная данным термином категория не станет неопределенной для правоприменителя: данная дефиниция будет использоваться в старом значении, пока высший судебный орган не выскажет на этот счет нового суждения.

Такова судьба множества признаков самых различных составов преступных деяний, например: беспомощного состояния жертвы при убийстве; дохода при незаконном предпринимательстве; соучастия в виде подстраховки соучастников при краже, грабеже и разбое; соисполнительства с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, при изнасиловании; корыстной цели при хищении и т.д. и т.д. Однако в процессе изменения судом своих взглядов норма, понимание и, стало быть, практика применения которой также изменяются, не могут прекращать своего действия, пусть даже степень ее определенности в какой-то период и уменьшится. В конце концов, при очевидной, а не кажущейся (устранимой толкованием) неопределенности можно применить правило, изложенное в ч. 3 ст. 49 Конституции, в ч. 3 ст. 14 УПК РФ.

Обычно задают два вопроса.

1. Присуща ли такая неопределенность, устраняемая толкованием, только российскому уголовному законодательству?

Ответ: нет, даже в самых развитых правовых системах «толкование уголовного закона — это процесс,

вне которого уголовный закон и не возникает, и не действует»⁸.

2. Если точный смысл закона доступен только юристам, как закон может выполнять роль регулятора общественных отношений, субъекты которых — лица, не обладающие не только юридическим образованием, но и сколько-нибудь серьезными правовыми познаниями?

Ответ в том, что презюмируется осознание достигшим возраста уголовной ответственности и вменяемым человеком сути уголовного запрета в его общем виде: нельзя убивать (но можно посредством лишения жизни нападающего защищать свою жизнь или жизнь других людей), нельзя насилловать, нельзя забирать чужое имущество, даже если ты считаешь, что его владелец тебе должен (решить, образует ли такое изъятие состав кражи или самоуправства, — задача юриста), нельзя не платить налогов и обманывать в связи с этим государство в лице налоговых органов, нельзя помогать скрывать действительный характер приобретенного преступным путем имущества, нельзя превышать скорость, создавая аварийную обстановку, и т.д. Если же лицо не осознает и не может осознавать наличие запрета, оно и не подлежит ответственности. Такое бывает, скажем, при объективном нарушении установленных неуголовным законом специальных правил поведения, когда лицо не знает об их наличии и не должно было знать.

Итак, позиция Конституционного Суда, выраженная в названном решении, основана на выводе о достаточной определенности упомянутых в особом мнении судьи терминов, посредством которых в примечании к ст. 158 УК РФ изложено понятие хищения.

В примечании же определено: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Каково же содержание тех из приведенных в

данной норме категорий, использование которых в законе пытались признать неконституционным, и как их понимание влияет на решение сложных вопросов уголовной ответственности за хищение, в частности мошенничество, присвоение и растрату?

2. *Противоправность* следует понимать в том смысле, что изъятие чужого имущества при хищении противоречит гражданскому закону, согласно которому всякое отторжение имущества должно соответствовать воле собственника (за исключением ряда случаев, в частности, предусмотренных ч. 3 ст. 35 Конституции). При мошенничестве, когда имущество передается виновному (или по преступному замыслу виновного — третьим лицам) самим собственником либо иным введенным в заблуждение лицом, казалось бы, добровольно, также имеет место противоправное изъятие чужого имущества, поскольку на самом деле лицо, передающее имущество, было обмануто, а в ином случае имущество им передано не было бы⁹.

Иллюстрируя применение обсуждаемого признака хищения, рассмотрим в качестве примера бизнес-схему, преступность которой, как можно понять, оспаривается лицами, обратившимися в Конституционный Суд с упомянутой выше жалобой, не принятой к рассмотрению. Этот пример имеет отношение также и к содержащемуся в особом мнении судьи утверждению о том, что «с точки зрения гражданского права нет никаких законных требований к участникам гражданского оборота о соответствии цен каким-либо критериям» и «неэквивалентность обмена никак не порочит сделку»¹⁰.

⁹ Вряд ли можно понимать признак противоправности в смысле указания законодателем в примечании к ст. 158 УК РФ на то, что составом хищения охватываются только деяния, совершенные способом, предусмотренным уголовным законом. Это следует из других норм: ч. 2 ст. 3 УК РФ, запрещающей применение уголовного закона по аналогии, и ч. 1 ст. 14 УК РФ, согласно которой «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Законодателю не было смысла еще раз излагать данное положение в примечании к ст. 158 УК РФ, т.е. применительно к небольшой группе деяний.

¹⁰ Ставя под сомнение последнее утверждение, можно сослаться на то, что такая неэквивалентность — наряду с установлением преступного умысла и иных необходимых признаков — как раз и может свидетельствовать в пользу совершения преступления, а не сделки: «...привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, возможно <...> в случае, если будет доказано, что,

⁸ Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 108.

Коммерческая организация (далее — Общество), являясь по сути монополистом на рынке продаж определенного вида продукции, имела устоявшийся круг покупателей этой продукции, существенных проблем с реализацией которой не было. Поэтому снижение отпускных цен на продукцию не было вызвано какой-либо экономической необходимостью, как не было нужды и в передаче функций сбыта фактическим посредникам. Тем не менее внезапно Общество расторгает договоры со своими давними контрагентами и заключает договор с только что созданной организацией о продаже ей продукции по ценам, значительно более низким, нежели прежние отпускные цены. А уже данная фирма-приобретатель (далее — Фирма) реализует продукцию по старым ценам прежним контрагентам Общества.

Между мажоритарным акционером Общества, руководителем Общества и руководителем Фирмы имелась договоренность о распределении между ними прибыли, полученной Фирмой в результате продажи старым контрагентам Общества приобретенной у Общества продукции. Кроме того, миноритарные акционеры Общества лишались возможности получать дивиденды в том объеме, в котором они бы их получали при продаже продукции по прежним, т.е. рыночным, а не заведомо заниженным ценам.

Предлагаемая квалификация содеянного как хищения вверенного имущества, т.е. проданной по заведомо низким ценам продукции, обычно вызывает у стороны защиты возражения, состоящие в том, что руководство Общества по согласованию с участниками, обладающими контрольным пакетом акций, может продавать продукцию по любой цене, даже передавать безвозмездно, т.е. дарить. Это право собственника.

заклячая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на чужое имущество» (Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 61-О-О); «...в случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него» (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51).

Однако закон не может разрешать лицу причинять ущерб организации, даже если это лицо является владельцем контрольного пакета акций данного юридического лица. При этом нужно исходить из п. 1 ст. 10 ГК, в соответствии с которым не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Опираясь на эту формулировку, следует заключить, что акционеры и руководители общества не могут совершать действия, направленные исключительно на причинение этому обществу вреда.

Следовательно, если доказано, что никакой пользы от продажи продукции по заведомо и существенно заниженной цене Общество не получало, а целью такой операции было лишь получение руководителем и мажоритарным акционером имущественной выгоды за счет причинения ущерба Обществу и, далее, иным акционерам, указанные действия следует признать злоупотреблением правом, а значит — налицо элемент гражданско-правовой противоправности, необходимый для признания деяния хищением¹¹.

3. Признак *безвозмездности* следует трактовать с учетом признака причинения *ущерба* собственнику изъятием имущества. Безвозмездность означает, что изъятие имущества не сопровождается одновременным предоставлением собственнику равноценного возмещения. Если такое возмещение к моменту изъятия имело место, значит, умысел виновного не был направлен на причинение собственнику ущерба и тот объективно причинен не был, а потому содеянное нельзя квалифицировать как хищение.

Признак безвозмездности понимается в теории и на практике как отсутствие в момент изъятия имущества, направленного на причинение собственнику (владельцу) имущества ущерба, эквивалентного возмещения. И хотя общее правило таково, что «хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества»¹², частичное возмещение (в мо-

---

¹¹ Подробнее об этом см.: Яни П. Хищение продукции с использованием фирмы-лжепосредника // Российская юстиция. 2005. № 5.

¹² Пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ

мент изъятия либо запланированное к этому моменту, пусть и реализованное позже) стоимости изъятых имущества не означает отсутствия состава хищения, но в ряде случаев может быть учтено при определении размера последнего¹³.

Стоит также добавить, что если, изымая чужое имущество вне воли собственника (владельца), в дальнейшем посягатель собирается добровольно вернуть его либо предоставить эквивалентное возмещение, речь идет о так называемом временном позаимствовании, исключающем ответственность за хищение. Однако не добровольный, а вынужденный возврат похищенного на квалификацию деяния как хищения не влияет, но может быть учтен при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности при условиях, предусмотренных ст. 75 и 76 УК РФ.

В качестве меньшего по стоимости возмещения, на сумму которого снижается размер хищения, как правило, выступают денежные средства, а не вещи, поскольку даже сходные в потребительском смысле вещи нельзя «вычитать» друг из друга. Вместе с тем, если речь идет о частичном возмещении похищенного деньгами, например, при мошенничестве, когда, скажем, лицо получает по договору купли-продажи товар, а вручает продавцу лишь часть оговоренной суммы, зная, что оставшуюся часть не передаст, хищение путем обмана ему вменяется в сумме, так и не переданной продавцу.

Иными словами, безвозмездным является незаконное получение имущества без предоставления соответствующего возмещения, в том числе обманное приобретение имущества по более низкой цене, а размер хищения при этом определяется разницей между ценой товара и фактически уплаченным¹⁴.

от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

¹³ На этой позиции стоят наиболее авторитетные исследователи проблем квалификации хищений, в частности проф. А.И. Бойцов, проф. Г.Н. Борзенков и др. См.: Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 416; Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. Т. 3. С. 252.

¹⁴ Определение по делу Трусова и Белканиа. Комментарий Г.Н. Борзенкова // Бюллетень Верховного Суда РФСР. 1979. № 6. С. 8.

4. Ущерб как конstitutивный признак хищения может быть причинен только изъятием (обращением в пользу виновного). Если в результате действий лица ущерб причинен не утратой имущества, а, к примеру, невозвращением должного, такие действия не могут расцениваться как хищение.

Указание законодателя на ущерб означает, что возможны такие ситуации, когда изъятие имущества (безвозмездное, корыстное и т.д.), в том числе путем обмана, т.е. вопреки воле собственника, совершается, однако ущерб этими действиями не причиняется и, стало быть, хищение места не имеет. Обсудим в связи с этим заключением несколько аспектов установления ущерба как элемента хищения.

Первый из них касается значения для квалификации хищений мнения самого потерпевшего о том, причинен ли ему ущерб: насколько суд при привлечении посягателя к ответственности связан позицией пострадавшей стороны?¹⁵

В рассматриваемом случае выяснение мнения пострадавшей от изъятия средств стороны о том, считает ли она себя понесшей ущерб, значения для уголовной ответственности не имеет. Ущерб — категория гражданско-правовая, понятие это характеризует результат определенного воздействия на отношения собственности. Если же мы обратимся к нормам ГК, регулирующим вопросы возмещения ущерба, нигде не обнаружим указания на субъективный элемент этой категории.

Причиненный изъятием имущества ущерб определяется с учетом стоимости похищенного имущества (с уточнениями, приведенными выше и касающимися понимания признака безвозмездности), а согласно п. 25 упомянутого Постановления Пленума ВС РФ № 51, определяя стоимость имущества, похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления; при отсутствии сведений о цене похищенного имущества его стоимость может быть установлена на основании заключения экспертов.

---

¹⁵ Нащекин Е. Значение воли собственника для квалификации хищения // Законность. 1995. № 6. С. 26—27.

Таким образом, ущерб как признак хищения вполне объективен. От пострадавшего зависит не определение того, был ли или не был ущерб причинен (не путать с признаком значительного ущерба! — ч. 2 ст. 158, 159, 160 УК РФ), а то, желает ли он восстанавливать свои права гражданско-правовыми средствами.

Другая проблема установления ущерба как признака состава всякого хищения состоит вот в чем: правоприменитель порой не обращает внимания на то, что даже если обманное завладение средствами собственника имело место, невозврат этих средств не во всех случаях сопряжен с причинением собственнику ущерба.

Щукину предъявили обвинение в том, что он, являясь руководителем и владельцем ряда коммерческих организаций, с целью завладения чужим имуществом в крупных размерах путем обмана и злоупотребления доверием систематически получал в Курганском филиале Агропромстройбанка кредиты без обеспечения их возвратности, заранее зная о невозможности вернуть их и погасить начисленные по ним проценты. Судом Щукин оправдан за отсутствием в деянии состава мошенничества.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене оправдательного приговора и направлении дела для производства дополнительного расследования. Как указано в протесте, суд оправдал Щукина, мотивируя это тем, что в судебном заседании не установлен его умысел на заведомое невозвращение полученных кредитов, а образовавшийся долг перед Агропромстройбанком возник из-за политики самого банка, связанной с риском. По мнению прокурора, этот вывод суда ошибочен, в обвинительном заключении органы предварительного следствия не сделали полного объективного исследования финансовой деятельности предприятий Щукина, что служит основанием для направления дела на дополнительное расследование.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ протест оставила без удовлетворения, указав, что Щукин получал кредиты в банке на законных основаниях, при этом нет никаких доказательств, свидетельствующих о том, что он не

бирался их возвращать. Предварительного сговора на хищение денежных средств между Щукиным, управляющим Курганским филиалом Агропромстройбанка Наймановым и его заместителем Есьманом органами следствия не установлено. В отношении Найманова и Есьмана уголовные дела прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

К материалам дела приобщены оформленные в соответствии с требованиями закона договоры залога с указанием предмета залога. Согласно договорам право проверять залоговое имущество предоставлено банку. Свидетель Есьман показал, что он лично проводил проверку залогового имущества предприятий Щукина, где количество товарно-материальных ценностей всегда превышало сумму кредита. С учетом изложенного, указывает судебная коллегия, суд правильно оправдал Щукина за отсутствием в его действиях состава преступления¹⁶.

Таким образом, надлежащее обеспечение лицом, получающим имущество, исполнения соответствующего обязательства, в частности по возврату полученного кредита, означает, что его действия не были направлены на причинение кредитору имущественного ущерба. Стало быть, даже если в подобном случае имел место обман относительно исполнения основного обязательства, содеянное не может расцениваться как мошенничество.

5. Признак *корыстной цели* при хищении особенно интересен тем, что именно сейчас содержание его в сознании правоприменителя меняется (хотя и очень постепенно).

В теории уголовного права и судебной практике придерживаются двух различных взглядов на корыстную цель. Одна позиция состоит в том, что под корыстной целью следует понимать желание виновного получить в результате изъятия имущества материальную выгоду для себя, либо для соучастников, либо для близких ему лиц. Соответствующая точка зрения высказана такими известными криминалистами, как, например,

¹⁶ Определение по делу Щукина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 10.

А.И. Бойцов¹⁷, Б.В. Волженкин¹⁸, Н.А. Лопашенко¹⁹ и др.²⁰ В целом подобное, достаточно узкое, понимание корыстной цели, являющейся, на наш взгляд, результатом неосновательного смешения категорий цели и мотива, вытекает из позиции Г.А. Кригера²¹. Из данного подхода следует, что круг упоминающихся в комментируемом примечании к ст. 158 УК РФ других лиц (также называемых третьими лицами), обогащаемых похищенным имуществом, ограничен также названным в примечании признаком корыстной цели.

Другая группа не менее авторитетных исследователей вопросов квалификации хищений, в частности Г.Н. Борзенков²², А.Г. Безверхов²³, придерживается иных взглядов, полагая, что корыстная цель при хищении предполагает не только желание виновного извлечь выгоду лично для себя, но и стремление обратить похищенное чужое имущество в свою собственность или собственность третьего лица (не обязательно соучастника или близкого виновному лица), когда эта цель реализуется как получение фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом как своим собственным. Данная точка зрения представляется предпочтительной²⁴.

Вместе с тем с учетом теоретических разногласий для правоприменителя важнее подход высшего судебного органа к решению данной проблемы уголовно-правовой квалификации. Увы, и в опубликованных материалах практики по конкретным делам можно встретить решения, основанные как на одном, так и на другом из изложенных выше воззрений на корыстную цель. Зачастую также имеет место неоснователь-

ное, как представляется, смешение цели, неудачно обозначенной в уголовном законе термином «корыстная цель», и корыстного мотива, предполагающего стремление обогатить себя, соучастников либо близких, но не являющегося конститутивным признаком хищения.

Во многих решениях, отвечая на вопрос о том, обязательно ли корыстная цель при хищении сопровождается корыстным мотивом (корыстными побуждениями), Верховный Суд дает на него положительный ответ, считая, что наличие корыстной цели как криминообразующего признака хищения предполагает извлечение виновным выгоды имущественного характера лично²⁵. В частности, отсутствие корыстной заинтересованности при использовании вверенных ему средств в интересах другого лица повлекло прекращение уголовного дела о хищении в форме растраты²⁶.

Однако суд порой занимает и другую позицию. Так, по делу Ларина и Стурова в судебном решении почти дословно воспроизведено принадлежащее Г.Н. Борзенкову определение: «Согласно закону мошенничество является одной из форм хищения, поэтому ему присущи все признаки хищения. С субъективной стороны мошенничество, как и любое хищение, характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Корыстная цель при хищении предполагает стремление обратить похищенное чужое имущество в свою собственность или собственность третьего лица. Она реализуется как получение фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом как своим собственным»²⁷.

Как же решается этот вопрос на самом высоком уровне прецедентности судебных решений — в документах Пленума Верховного Суда? Порой корыстная цель и корыстный мотив (корыстные побуждения) здесь также смешиваются: «Если суд установит, что...

¹⁷ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 299 и др.

¹⁸ Практический комментарий к УК РФ / под ред. Х.Д. Аликперова и Э.Ф. Побегайло. М., 2001. С. 385.

¹⁹ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005. С. 228 и др.

²⁰ См., напр.: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 111; Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 110.

²¹ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 76 и др.; Комментарий к УК РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М., 1984. С. 187—188.

²² Комментарий к УК РФ / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. М., 2000. С. 313.

²³ Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 167.

²⁴ Яни П.С. Посягательства на собственность. М., 1998. С. 38.

²⁵ Постановление от 12.07.2000 № 486п00пр по делу Р. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1; Постановление от 15.06.2001 по делу М. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 3; Постановление по делу Риделя // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 3; Определение по делу Терешонка // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 1.

²⁶ Постановление от 05.10.2001 по делу И. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 7.

²⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 4; Комментарий к УК РФ. С. 313.

неправомерные действия лица совершены лишь для поездки на угнанном автомобиле (транспортном средстве) или в иных целях *без корыстных побуждений* (здесь и далее курсив наш. — **П.Я.**), содеянное при наличии к тому оснований подлежит правовой оценке как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством *без цели хищения...*²⁸ Однако в Постановлении Пленума ВС, устанавливающем содержание уже собственно корыстного мотива (корыстных побуждений) при должностном злоупотреблении (ст. 285 УК РФ), указывается, что корыстную заинтересованность следует понимать как «стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера». Круг же этих других лиц в данном определении соучастниками либо близкими виновному лицами не ограничивается²⁹.

Принимая с разницей в пять лет два постановления, разъясняющие применение норм об ответственности за хищения, Пленум Верховного Суда по-разному истолковал корыстную цель.

В 2002 г. он определенного ответа не дал, предложил практике такое понимание: «Кража и грабёж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)»³⁰. Казалось бы, данная формулировка свидетельствует о восприятии Пленумом ВС второй, более, думается, верной точки зрения; однако

пояснения в скобках «смазывают» толкование корыстной цели, делают его нечетким.

Другое мы видим в постановлении 2007 г., где сказано так: «При решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц»³¹. В этом определении круг лиц, обогащаемых за счет чужого имущества, не ограничен виновным, его соучастниками либо близкими.

Пойдет ли правоприменительная практика по пути более широкого понимания корыстной цели, пока сказать трудно. До сих пор такой тенденции не наблюдалось. Очевидно, что необходимо опубликование решения Президиума ВС либо Судебной коллегии по уголовным делам ВС, из которого стало бы ясно, возвращаемся ли мы ко временам, когда осуждались прототипы Дяточкина из кинофильма «Берегись автомобиля».

Итак, исследуемая норма-дефиниция содержит описания признаков родового состава хищения, которые пусть и путем толкования, но вполне успешно применяются в практической деятельности. А это подтверждает вывод Конституционного Суда об отсутствии в соответствующих юридических терминах такой неопределенности, которая потребовала бы признать норму неконституционной.

²⁸ Пункт 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

²⁹ Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превыше-

нии должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

³⁰ Пункт 6 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

³¹ Пункт 25 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.